

ДЯТЕЛ И ТЕЛО-НАСЕСТ

КАТЯ ЛОКУСТ

наверное,

там под корой древесною стучит сердечко

ФАИНА ГРИМБЕРГ

это только часть обзора, если встать в другой угол комнаты, то перед взглядом предстанет другой мир, ничем особо не связанный с предыдущим, разве что наблюдателем, который ни в чем не уверен (и вероятно умер от пьянства по дороге из одного угла в другой). *в конце концов у скал своя диета* — сказал, и довольно громогласно, субъект, чуть не скатывающийся под стол: слишком велико искушение навязать встреченному в уме слитность, цельность, в общем, обмануться, начать выдумывать, лишать жизни происходящее, казнить, указывать, обжираться пролитой властью. *глянь*, — из-под стола выглянула синяя, изгвазданная кусками какой-то грязи морда и медленно тянет нестриженный палец куда-то в бок, — *какого цвета?* — красно-синее. преодолевая отрыжку уточняет: *красное или синее?* и действительно, это нельзя назвать ни красным, ни синим! если там был бы больше красный, чем синий, то можно бы опустить ощущение синеватости и просто отрезать: “красное”, или там “багровое”, но оно совершенно точно *не* красное и *не* синее. глаза напряглись, пытаюсь добыть больше информации для мозга, чтоб он узнал, определил цвет, тщетно: он видит новый цвет, какого еще никогда не было. — *а что это вообще?* — не вставая с четверенок запрокинул голову вверх, щурясь от тусклого медного блеска; я взглянула обратно, пытаюсь разглядеть что обладало этим новым цветом, но когда расфокусировала глаза увидеть общий план, оно растворилось совсем и цвета тоже не осталось; гряземорда захохотал с

запрокинутой головой, шурясь, скалясь желтыми прореженными зубьями ржавой шестеренки взятой из ила.

рассказать ли пьяни о том, что вчера было разделенным, а теперь сомкнулось, в любовном порыве встретившего двойника; он словно вышел из тюрьмы, темный и рябой, этот язык был им вполне понятен. ...и вот я уже стою у входа в бар, обдуваемая всеми ветрами с дороги, скрючившись в узел, козу, и изрыгаю густую желчную реку себе под ноги, которые колышутся из-под юбки, как тростник. поток настигает тело волнами откуда-то из глубин тошноты и выпархивает из горла и валится тяжелыми птицами, сбиваясь в комки рыжих перьев. их клювы в рвотных массах, я чувствую их остроту гландами. я ощущаю волну тяжести: передо мной останавливается машина; водила в шапке-бродяжке, черных очках и розовой майке, очень экстравагантный гопник, по ноге пущена татуировка. черными стеклами пристально уставился, так что горло сжалось и блев встал. — *а дела как?* — орет [кажется] мне фальцетом. — ну, вообще-то супер. в ответ оттягивает средний палец в мою сторону, трясясь как истерик, и бьет по газам. после такой омерзительной сцены уже не хочется даже блевать.

нужно умыться (провожу тыльной стороной большого пальца по уголкам губ и чувствую катышки рвоты). *чавканье* — это гряземорда увязался за мной как пес на четвереньках и теперь лижет блев с асфальта. меня всю скручивает и спертый уличный воздух спиралью обводит мое тело, так что самой хочется свалиться рядом в пресвятой вомитус весь этот рефлекторный ад лечь и расплакаться как маленькая. но я сдерживаюсь, пинаю уже распластавшегося эметолога по сраке и возвращаюсь в бар. пусть он кое-что смыслит, судя по всему, но совершенно не умеет себя вести.

томится среди тьмы бара мирное рыжее стадо в тумане позвякивая стеклом — зеленым и красным — развалившееся, пытающееся развалиться — песчаные фигуры темнеют под дождем. играет *24 часа до тулы*. и вдруг стихло — зажатая кипением тьмы и жизни пустыньность, тугая и чистая, тянущаяся к своему краю: зеленый линолеум, течет кран; девочка в исследовательском порыве забравшаяся на чердак, в пыль, в парящие паучьи сети, в тревогу зависших над головой ульев, пустых, брошенных или изжитых, но оттого более тревожных; барышней прогуливаясь меж балок с торчащими как оружие гвоздями, среди опилок, жирных зеленых мух, девочка еще не догоняет что забралась в собственную голову, свежую, пустую, опасную. но я возвращаюсь к ржавым фантомам выражения и мозговой темноте. — эй! вы из какой организации? — кто-то встречает меня типа остроумно, — *союзмультифильм*, — парирую. существа, которых я встречаю здесь, зародились в ничего не значащих диалогах.

внизу, в большой комнате, девочка прочла в книжке: *необходимо быть совершенно новым*. но что нового можно найти на этом чердаке? как можно найти что-то новое, если ты *есть*? здесь все собрано... *бог любит тебя и не может собрать мир заново!* на чердаке ручное радио, привязанное

проводом к одной из балок, включи его: *пишишишишипишискусствофм бог non-playable.*
чиго-чиго?

characters characters

characters characters characters ...

что-то сломалось?

что-то с радио... виниловая пластинка намоталась на иглу

characters characters...

в одной

из сцен видео с прогулкой ребенок падает со скалы, пока за ним гонится барс. кошка смотрит как маленькое тело скатывается по склону, усеянному перекасти-полем, но не рискует спуститься за ним, и уже через несколько секунд, еще не успели стихнуть стучащие камни которые она свалил в тщетных попытках найти безопасный спуск, барс уже безразлично умывается, пока мертвое тельце сваливается на плавающую пленку

characters characters

— *союзмультфильм говорите?* — у тебя какие-то

затруднения, красавица? обхожу его столик, смотрю в мутные голубые глаза: — ширинку застегни, хряк краснощекий, тупо улыбается, затем опускает лицо и я, подняв со стола его кружку, выливаю на него пиво. проектор заливает пугающий скрежет, и по экрану бежит трещина, будто пленка остекленела и разбилась у всех на глазах; он поднимает лицо, с подбородка капает пиво, ошарашено щурится, глаза красные наливаются гневом, но затем, будто пузырь газа вырывается из-под дна болота, в нем поднимается опьянение, усталость, лень и спустя мгновение он безразлично утирает лицо морщинистой розовой дланью. я стою напротив него и во мне тоже поднимается что-то новое. я словно живу в стиральной машине, становлюсь чище и чище, и скоро от меня вообще ничего не останется. девочка на чердаке окаменела и разбилась перед своими глазами. напоследок кошки ловят крыс в своих вагинальных складках. первая каменщица! что она находит на чердаке?... безусловно что-то живое. это двухвостка. пугают что она заползет тебе в ухо и будет вертеть там своими хвостами, как биомеханический буравчик ввинчиваясь прорывая барабанные перепонки пока — ЧПОК — все не погаснет; тогда ее бьет неестественно сильный звук, словно вибрирующий удар электричеством, — только через некоторое время она поняла, что это дятел, загадочная птица со странным мрачноватым силуэтом колотившая исполинскую сосну прошлым летом, — видела его сквозь утренний туман, — а теперь решившая пробить толстую ветвь склонившейся к дому лиственницы. лиственницу срубят ближе к осени, и впервые в жизни задумается а не наложить ли на себя руки... но почему? ведь дятел больше месяца не давал спать! будил ни свет ни заря, отчего-то полюбивший эту злосчастную лиственницу — Ш-ТУК!... Ш-ТУК! будто что-то пробивало черепную коробку, с той стороны окостенения... что-то пробивало разум, его материальные основы. что-то, что должно пробиться и пролиться как жидкий все топящий свет, внутрь ее головы, как удар молнии с оттяжкой. и тут я увидела другой лес передо мной... я взглянула на него, сидящего как медуза на песке, бескостный,

белесый, сплошное вздымающееся легкое — и словно передо мной ночной лес в котором гуляла целый день ни о чем не думая, в дневной дреме, осветился неожиданной вспышкой и в нем проявилась вся мразь, гниль и плотоядность. вот его жизнь которой не было и которой нет. ты мое зеркало, мое пропавшее зеркало... спохватилась: *в ванную! смыть рвоту!*

с тяжести сыпется шелуха: она поднялась на чердак; это пахнувший сырой древесиной склеп или амбар, какое это имеет отличие в одиночестве? она разглядывает пляшущих ухверток, больше дюжины в щелях и это только здесь, под ногами, поддевает их пальцем так, что мурашки бегут под черепом, когда добегают, как рябь брошенная по воде хищной тропической тварью по мрачному подземному произволу оказавшейся в таежном пруду, добегают до берега, черно-зеленые масляные глаза растворяются, она заливается криком, продолжающимся, как утром, когда при пробуждении шаришь руками по кровати, бесконечной, пустынной, ледовитому полюсу вымершей жизни, зябко. она одна на чердаке и здесь нет ничего нового. зеркало нехотя отражает ее лицо или лицо нехотя проступает на амальгаме. странное. скулы словно сталь, но подернутая ржавчиной. так основательно, что поползла. нос как строительная пена, выдавленная прижатой сталью. волосы — древесная стружка, которой устлан как ковром чердак и в ворсе ютятся ухвертки — червячки теней спрятавшиеся в солнечном пожаре. ржавые фэтоны выражения и мозговые тени в них. как запряженные. электричество.

БРЯМССсссссссс — прорезал полог чердака и с шипением извивается в опилках обивая доски прозрачной от жара рыжей бахромой

ПШШШШПсссссс --- ПШШШШПсссссс ...

на ступенчатых насекомых ножках пытается удержать бесформенное тельце, но змеящаяся ужаленность одолевает, так пока шипение не обратилось пульсирующим шорохом поршня и он весь не стал лихо закрученным обручальным кольцом.

кажется, девочка, в испуге застывшая во влажном полумраке чердака, не отдает себе отчет, что является сама сочинительницей этой твари, которая не больше, чем ее мысль, взметнувшаяся в какой-то момент в небо (через маленькое окно или щель в пологе) и после, несколько мгновений назад, вернувшаяся, обгорев в горних ядовитых парах... или отдает? отчет полуслышный, полусознанный, но радикальный: это *ее тварь*, и потому в ней не может быть ничего нового. она также вынуждена дышать чем положено (а от того что не дышит остается непостоянной и вскоре рассеется, как пустое наваждение, скучным газом, уже и раньше такое бывало). ОУУУУУОУУУУУ --- ОУУУУУОУУУУУ ... но, вдруг, сама себя спрашивает: *живая? жалко ее?* что если встать с другого угла? здесь что-то, от чего не по себе

не по себе. днем прежде был разговор за столом, во время которого повеселела. была бабушка и тетя ада с сорок восьмого участка, которая была такой старой что казалось ее морщины отражают саму скорость существования, а она

сама скрылась под ними и никогда не умрет. они говорили не останавливаясь, очень быстро, а я сидела на коленях то у бабушки, то у тети ады, и они поочередно кормили меня с ложки козым творогом с крыжовниковым вареньем, мне очень нравилось, я закрывала глаза когда перекачивала во рту крыжовниковые семена. тетя ада поставила меня на ноги себе на колени и запела тряся меня так, что я отрывалась от нее в воздух то левой ногой то правой:

тоненькие ножки

красные сапожки

мы тебя кормили

мы тебя поили

на ноги поставили

танцевать заставили

я почувствовала такое удовольствие, что перестала смеяться и издавая сплошной протяжный писк наслаждения вскочила на стол, тогда услышала бабушкин голос:

она совсем

забылась.

я будто грохнулась на этот стол с облака соответствий, которые мгновенно распались потеряв своего наблюдателя. я хотела заплакать, но не смогла, мне было слишком радостно. ОУУУУУОУУУУУ --- ОУУУУУОУУУУУ ... отнявшее у себя гравитацию кольцо я чувствовала как оно блестит, мерцает у меня в глазах. оно - сияющий автомат, с газировкой или жетончиками? или голова медузы. если я надену его, оно обратит меня во что-то новое. я попятилась, сделала несколько шагов не глядя назад, ухвертки вышли из своих золотистых укрытий и, синхронно выгнувшись хвостами вверх, завертелись: черные опрокинутые запятые с двойными жалами, вздыбленные гусиные лапки означавшие теперь что-то по другую сторону всего что имело значение прежде. могут ли с какого-то угла, вот с этого, быть сразу два странных обзора? могут ли с такого-то угла угадываться сразу два не-значения? *здесь это не по себе* уже просто сводит себя! и девочка вмиг озлобившись шепчет *vive le ancien régime!* подходя к кольцу и тогда бабушка, конечно, умирает внизу, на кровати, что-то нашаривая

я повернула лед. здесь всюду был лед. и я свернула его. сам по себе

была

утробной, а стала удобной

все стемнело, зато я наконец проявилась в зеркале. но я еще ищу... по крайней мере какой-то миг

какой-то миг и из меня, нет, меня стали покидать тела... им было удобно покинуть мою утробу теперь. шарообразные - только головы. кровавые - облаченные в скользкий и жилистый доспех. тонкие - выходившие на четвертый день. трехдневные. пятидневные. трехмесячные. пятимесячные - только головы: [так это было впервые:] *мы смеялись голые лежа на кровати солнечным утром когда мой живот провалился: я не могу поверить, а он закрывает от меня*

укатившуюся часть, берет стопку салфеток чтоб не касаться руками, берет его, но он выскользывает из салфеток, салфетки мокнут в крови и рвутся, он берет его пальцами, поддевает глазницы, прячет чтоб я не видела, я все это только чувствую... он рыдает и я рыдаю, а у головы закрыты глаза, никогда не открывались. тонкие черные тела червячки теней из моего живота, похожие на испражнения в зеленой крови. зеленые рукава выкатываются из меня. моя терапевтка спрашивает меня чувствую ли я вину. но я не чувствую вины. я чувствую только кружение кольца

мое
лицо проявляется в кольце, но я вижу его в зеркале передо мной. мое лицо передо мной. оно распростерлось, будто кто-то срезал его. пронзительный женский голос из соседней кабинки приводит меня в чувства — он мне сказал что я красивая порочная сука! если бы я была ангелочком, у тебя бы так не стоял, говорю! оххх... с какой ненавистью он ебал меня! *тчя-тт* она выходит из кабинки - гордая высокая, я узнаю ее - я вижу ее раз в два месяца и почти каждую неделю по скайпу, она пишет мне в ватсап: *как вы? как новый препарат?* она не выписывала мне никаких препаратов: учит меня лгать или хочет выправить меня с помощью паранойи? может она психопатка? что она делает здесь, выбралась из утробы унитаза пугать детишек-алкоголиков? я загоняюсь. и меня снова тошнит. она стремительно пронесется мимо меня в руке у нее колбочка от тампона она оглядывается но не знает куда ее бросить по-быстрому так что просто бросает на пол и выныривает в дверной проем... я подхожу к колбочке - в ней что-то *другое*: наклоняюсь - ну точно, отрезанный палец. в ужасе я бросаюсь за ней и догоняю ее в дверях, но застываю на месте: она проходит мимо мужчины, с его широкого багрового как стояк лица каплет пиво: мой старый друг краснощекий хряк (или все-таки дятел?...) очнулся и пристроился под буквой ж отстоять свою честь. запах крови. плитка закручивается в фрактал. один. за другим. убедившись что враг повержен дятел улетает к другому дереву. я выхаркиваю что-то из себя. мне кажется это кровь. сквозь линзу слез я вижу ее подрагивающую фигуру, она стоит спиной, она поворачивает ко мне лишь лицо и произносит, медленно и, мне кажется, с каким-то особенным, блаженным безразличием: — ...бедствия, которыми божественное правосудие наказало человека за его преслушание, как то: изнурительные труды, скорби, телесные немощи, болезни рождения, тяжкая до некоторого времени жизнь на земле, странствования, и напоследок телесная смерть... - она щурится в мою сторону, ухмыляется: — первосцена очень интересовала блаженного августина. - я произношу, хоть мне и очень тяжело произнести что-либо, дыхание перебито: — это анахронизм. — и что здесь анахроничного! - она огрызается. — первосцена никак не могла интересоваться августина, она просто не могла существовать... — ошибаетесь. — ошибаюсь только в том случае если это не просто слово — и даже в нем. - она молчит какое-то время, с лица ее не сходит ухмылка. она говорит, так будто только проснулась: — как вы? - мне трудно говорить, но я что-то произношу. Ш-ТУК. Ш-ТУК бьется в голове. Ш-ТУК. Ш-...